

ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ СЛОВАРИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКОГРАФИИ

Осипова К. В.

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2285-6112>

А н н о т а ц и я . В статье анализируется российский опыт составления региональных этнолингвистических словарей и предлагается проект словаря, посвященного севернорусской лексике пищи. Практика включения в диалектные словари культурно-исторических сведений прослеживается начиная со словарей В. И. Даля, Г. И. Куликовского, А. И. Подвысоцкого и заканчивая диалектными этноидеографическими и этнолингвистическими словарями, опубликованными в последние десятилетия: определяются единицы описания, принципы подачи этнокультурных сведений. Предлагаемый автором словарь «Пища Русского Севера» содержит лексику пищи и питания, зафиксированную на территории Архангельской, Вологодской и Костромской областей. Большую часть материала составляют полевые записи Топонимической экспедиции Уральского федерального университета. Словарь включает наименования блюд, которые являются частью традиционного севернорусского рациона: отдельные статьи будут посвящены таким блюдам, как *блины, брага, дежень, каша, кисель, молоко, пиво, похлебка, простокваша, рыбник, саламат, творог (сыр), уха, хлеб, щи* и др. Словарь носит интерпретационный характер и нацелен на реконструкцию региональной специфики пищи и напитков крестьян Русского Севера и связанных с ними традиционных представлений. Словарь занимает промежуточное положение между этнодиалектным словарем и культурологическим словарем-энциклопедией: методический опыт авторов культурологических «энциклопедий» применяется к анализу диалектного материала. Специфика проекта состоит в том, что объектом описания становится не обрядовая терминология, а группа бытовой лексики. Извлечение символических смыслов из неспецифически обрядовой лексики требует наличия методологического инструментария: выявление культурно-языковой символики осуществляется методами семантико-мотивационного, системно-структурного, этимологического и лингвогеографического анализа лексики. Характеризуются локальные варианты названий одного блюда, их мотивационные связи, семантические особенности и коннотации. Кроме того, определяются функции, которые изучаемые предметы и их обозначения приобретают в верованиях, малых фольклорных жанрах и обрядах (семейных, календарных, сельскохозяйственных и бытовых). Принципы составления словаря иллюстрируются статьей «Рыбник» (пирог с рыбой), которая включает следующие зоны: «Дефиниция», «Общая характеристика, наименования, региональные разновидности», «Роль в застолье», «Развитие значений (языковые коннотации)», «Культурная семантика и обрядовые функции».

К л ю ч е в ы е с л о в а : диалектная лексикография; этнолингвистика; Русский Север; традиционная пища; этносы; народы Севера; этнолингвистические словари

ETHNOLINGUISTIC DICTIONARIES AND PROSPECTS OF ETHNOLINGUISTIC LEXICOGRAPHY

Ksenia V. Osipova

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia)
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0002-2285-6112>

A b s t r a c t . The article analyzes the Russian experience of compiling regional ethnolinguistic dictionaries and suggests a draft dictionary of the North Russian food vocabulary. The practice of including cultural-historical information in dialectal dictionaries can be traced back to the dictionaries of V. I. Dal, G. I. Kulikovskiy, A. I. Podvysotsky and the dialectal ethno-ideographic and ethno-linguistic dictionaries published in recent decades: they determine the units of description, the principles of presenting ethnocultural information. The dictionary "Food of the Russian North" presented by the author contains the vocabulary of food and nutrition recorded on the territory of the Arkhangelsk, Vologda and Kostroma regions. Most of the material was drawn from lexicographic files

of the Ural Federal University Toponymic Expedition. The dictionary includes the names of dishes that are part of the traditional North Russian diet: separate entries are devoted to such dishes as *bliny*, *braga*, *dezhen'*, *kasha*, *kisel'*, *moloko*, *pivo*, *pokhleбка*, *prostokvasha*, *rybnik*, *salamat*, *tvorog* (*syr*), *ukha*, *khleb*, *shchi*. The dictionary is interpretative in nature and aims at reconstructing the regional specificity of food and drinks of the peasants of the Russian North and the traditional ideas associated with them. The dictionary occupies an intermediate position between the ethno-dialect dictionary and the cultural-encyclopedic one: the methodological experience of the authors of cultural encyclopedias is applied to the analysis of dialectal material. The specificity of the project lies in the fact that the object of the description is not ritual terminology, but a subgroup of everyday vocabulary. The extraction of symbolic meanings from nonspecifically ritual vocabulary requires the availability of ethnolinguistic tools: the identification of the linguocultural symbolism is carried out using the methods of semantic-motivational, system-structural, etymological and linguo-geographic analysis of the vocabulary under study. The local variants of the names of one and the same dish, their motivational connections, semantic specificity and connotations are revealed. In addition, the functions that the objects under consideration and their designations acquire in beliefs, small folklore genres and rituals (family, calendar, agricultural and household) are determined. The principles of compiling an ethnolinguistic dictionary are illustrated by the article "Rybnik" (fish pie), which includes the following zones: "Definition", "General characteristics, names, regional varieties", "Role in a feast", "Development of meanings (linguistic connotations)", "Cultural semantics and ritual functions".

Keywords: dialectal lexicography; ethnolinguistics; Russian North; traditional food; ethnoses; Northern peoples; ethnolinguistic dictionaries

Для цитирования: Осипова, К. В. Этнолингвистические словари и перспективы этнолингвистической лексикографии / К. В. Осипова // Филологический класс. – 2021. – Т. 26, № 4. – С. 156–167. – DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-14.

For citation: Osipova, K. V. (2021). Ethnolinguistic Dictionaries and Prospects of Ethnolinguistic Lexicography. In *Philological Class*. Vol. 26. No. 4, pp. 156–167. DOI: 10.51762/1FK-2021-26-04-14.

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта РФФ № 20-18-00223 «Этимология и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

Acknowledgements: the research is carried out within Project 20-18-00223 "Etymological and Semantic Reconstruction of the Russian Dialect Vocabulary" supported by the Russian Science Foundation.

Изданный в XIX веке «Словарь живого великорусского языка» В. И. Даля удивляет широким охватом языкового материала и его разноплановостью. Каждая словарная статья – это не только собрание форм слова и их значений, его семантических и словообразовательных дериватов, но и представление историко-культурных аспектов функционирования слова и связей внутри фольклорного текста. Например, статья «уха» в «Словаре» В. И. Даля включает дефиницию слова «мясной и вообще всякий навар, похлебка, горячее, мясное и рыбное», возможные синонимы («ныне: рыбный навар, похлебка из рыбы»), сочетаемость слова («Янтарная уха, жирная»; «Сборная уха, из разных рыб»; «С мелкой рыбы уха сладка»), цитаты из авторских текстов («Ушица ей же ей на славу сварена! Крыль.»), диалектные семантические и словообразовательные дериваты («Ушное ср. сев. зап суп (т.е. не щи), мясной навар, лапша, или похлебка из бараньих черев. Ушник м. моск. калужск. орл. влад. жидкая размазня с мясом; похлебка, кашика;

похлебка с рублеными кишками»), устойчивые фольклорные формулы («Улов на рыбу! Привет рыболову. Навар на ушицу! ответ его. Хоть и не рыбно, да ушно» и др.) – то есть далеко не только системно-языковую информацию. Этот взгляд на слово характерен для ученого-полевика, который, «жадно хватая налету родные речи, слова и обороты» [Даль I: 4], стремится при сборе материала понять логику развития значений, видит место слова в ряду других дериватов, определяет лингвогеографические границы функционирования, а также наблюдает живую жизнь слова в речи и фольклорном тексте.

Действительно, диалектная лексикография XIX века стремилась к тому, чтобы представить слово многоаспектно, сопровождая его не только лингвистическими, но и культурологическими, историческими комментариями – все это позволяло в наибольшей полноте уловить «дух русского слова» [Даль I: 4]. Описываемое наречие мыслилось лишь как одна из сторон народной традиции, наряду

с типом хозяйствования, социальной и обрядовой жизнью – именно эти аспекты крестьянского мира обязательно присутствовали в этнографических описаниях народного быта, получивших развитие в XIX веке. Этнокультурная составляющая диалектной лексикографии выносилась даже в заглавие словарей: так, словари Г. И. Куликовского [Куликовский 1898], А. И. Подвысоцкого [Подвысоцкий 1885], И. М. Дурова [Дуров 2011]¹ представляют севернорусское «наречие в его бытовом и этнографическом применении». Например, в словаре Г. И. Куликовского статьи сопровождаются следующими комментариями: «куёт (Крг) говорят о сверчке, когда от сильно стрекочет; по народному поверью, это к скорому выселению из того дома; «выживает из дому» говорят в таких случаях. В Заон. куёт также говорят о ныряющей гагаре. Куёт к дождю куёт» [Куликовский 1898: 44–45]. Информация подобного рода – об особенностях культурной символики, историко-социальных обстоятельствах, народных верованиях и обрядовых практиках, приметах и присловьях – содержится и в словарях А. И. Подвысоцкого и И. М. Дурова.

Отмеченная широта взгляда на слово и его культурологичность, свойственная лексикографам прошлого, сошла на нет в XX веке, когда приоритетным направлением стала «чистая» лингвистика и соответствующая ей практика составления словарей, представляющая слово в максимальной изоляции от внешней среды. Однако начало XXI века вновь ознаменовалось интересом к тому, что стоит за языковой единицей, а диалектная лексикография из узко лингвистической стала превращаться в этнолингвистическую, в которой представление языка неотделимо от изучения духовной жизни народа. Остро чувствовалась необходимость расширения границ лексикографического описания авторами диалектных словарей. Во-первых, перед диалектологами, которые в большинстве своем являются «полевыми», стоит проблема упорядочения и представления живого языкового материала, всегда оказывающегося гораздо богаче и сложнее предложенной схемы описания. Во-вторых, диалектная лексикография ориентирована на отражение локальной языковой традиции, понимание

и интерпретация которой невозможны без набора экстралингвистических сведений об особенностях материальной и духовной культуры – организации быта, типах хозяйствования, распространении тех или иных промыслов, обрядов, ритуальных практик, верований и пр.

Особую потребность в подобных комплексных описаниях народной традиции испытывают авторы этнолингвистических исследований, основанных на синкретичности рассмотрения языковых единиц и соотносящихся с ними фактов народной культуры. Особенность этнолингвистического материала состоит в сочетании крупных текстовых форм фольклора и описаний обрядовой жизни с отдельными словами, их семантико-словообразовательными вариантами, диалектными контекстами, клишированными формулами, текстами малых фольклорных жанров и пр. – даже с формальной точки зрения представление такого разнородного материала требует особого подхода. Каждая научная школа, в распоряжении которой имеется собранный за годы работы полевой диалектный материал, ищет емкие формы его представления. В данной статье мы бы хотели проанализировать накопленный российскими диалектологами опыт составления этнолингвистических словарей, включающих комплекс культурно-языковых сведений, и предложить проект этнолингвистического словаря «Пища Русского Севера», теоретической основой для которого стали методологические наработки Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики, возглавляемой Е. Л. Березович и М. Э. Рут.

1. Традиции региональной этнолингвистической лексикографии.

В последние годы появился целый ряд лексикографических исследований, включающих этнокультурную информацию. Существует опыт региональных тематических словарей, построенных как алфавитный или идеографический перечень лексики тех сфер жизни, которые принято считать «этнографическими»: одежда, пища, ремесла, строительство и т. п., иногда с упоминанием верований и символических функций соответствующих предметов. Единицей опи-

¹Словарь вышел в свет лишь в 2011 году, хотя материал поморских говоров собирался И. М. Дуровым в первой трети XX века.

сания в подобных словарях выбирается слово в совокупности его культурно-языковых коннотаций. К региональным этнодиалектным словарям такого типа можно отнести издание «Традиционный быт псковских крестьян» под редакцией Н. В. Большаковой [ТБПК], выпущенное на материале псковского диалектного и фольклорно-этнографического архива. По словам составителей, в словаре отражены «этнографизмы – комплексные единицы, отражающие понятия и реалии, характерные для традиционной русской, в том числе и псковской, деревни» [ТБПК: 4]. Этнолингвистическая составляющая словаря связана преимущественно с отбором лексики, относящейся к этнографической тематике: «Постройки. Традиционное жилище», «Прядение. Ткачество. Домотканое полотно», «Традиционная одежда, обувь», «Традиционная пища». Сами статьи воплощают подход лингвиста-диалектолога: помимо определения, приводятся фонетические, морфологические, словообразовательные и диалектные варианты, контексты, иногда – фрагменты фольклорных текстов. Подобную структуру имеет «Тематический словарь говоров Тверской области», пять выпусков которого были изданы под редакцией Т. В. Кирилловой [ТСГТО] и включают лексику сельского хозяйства, местных промыслов, природы, растительного и животного мира. Интересный опыт работы с языковым и этнографическим материалом предлагают авторы «Словаря тамбовских говоров (духовная и материальная культура)» [СТГ], «в котором предпринята попытка репродуцировать картину быта и духовной культуры крестьян, показав современное состояние материала, посредством языковых особенностей (однако, с учетом этнографических, музыковедческих и исторических материалов)» [СТГ: 5]. Придерживаясь исключительно алфавитной подачи материала, авторы стараются включить слово в этнографический и обрядовый контекст, упоминая «календарные и семейные обрядовые традиции области, праздничный досуг, ремесла, одежду и другие стороны жизни крестьян» [СТГ: 5]: например, к слову *яичница* приводится значение 'обряд, в котором использовалась яичница' и фразеологизм *на тещину яичницу* с комментарием «В Моршанском районе сохраняется свадебный обычай приходить молодым на тещину яичницу на третий

день свадьбы» и диалектным контекстом [СТГ: 195]. На материале говоров Среднего Урала, которые хранятся на кафедре русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, О. В. Востриков и В. В. Липина подготовили этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области «Традиционная культура Урала» [ЭИС]. Словарь включает 5 томов – «Духовная культура», «Труд», «Быт», «Человек» «Природа», в которых диалектный лексический материал организован в соответствии с предельно дробной идеографической сеткой: этот словарь – «своего рода энциклопедия народной культуры, систематизирующая экспедиционный текстовый материал средствами идеографии – понятийной классификации терминологической диалектной лексики» [ЭИС 1: 3].

Очевидно, смена алфавитного принципа подачи материала на тематический была вызвана изменением исследовательской парадигмы – с системно-структурной к семантической и антропоцентрической, требующей выявления групп диалектной лексики, связанной с разными сторонами человеческой жизни. Упомянутые выше словари сосредоточены скорее на представлении материала, нежели его исследовательской интерпретации. Очевидно, что факты, возвращенные «в современный культурный оборот» [ЭИС 1: 3], требуют дальнейшего этнокультурного осмысления.

Действительно, тематический принцип подачи культурно-языковых сведений удобен для дальнейшего этнолингвистического исследования. Неслучайно, что интерпретационная этнолингвистическая составляющая появляется в словарях, посвященных отдельным предметным областям народного быта или обрядовой жизни. Так, можно выделить «Словарь народных названий растений Урала» Н. И. Коноваловой [Коновалова 2000], где в систему описания семантики фитонимов, имеющих мифологическую основу, включен культурологический компонент, связанный «с культовыми представлениями и религиозными обрядами» [Коновалова 2000: 13–14]. Одним из первых региональных этнолингвистических словарей, созданных на основе диалектного материала, стал «Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья» И. А. Подюкова, С. В. Хоробрых, Д. А. Анти-

пова [ЭССТ]. Словарь состоит из двух частей, деление на которые призвано разграничить собственно представление материала и его анализ. Первая часть «Словарь свадебной терминологии» содержит весь фактографический материал, поданный в алфавитном порядке: основное внимание здесь уделяется реальному речевому употреблению термина. Вторая часть представляет собой словник символов свадебного обряда в Прикамье – интерпретацию предметов, их признаков и действий, имеющих обрядовую символику: например, *береза, игла, лента, солома; сладкое, горькое, черный, белый; менять, прыгать, пугать* и пр.

Незаменимый опыт лексикографического осмысления терминологии обрядов и верований содержат исследования московских этнолингвистов. В 1970–80 х гг. вышли несколько проектов А. В. Гуры, посвященных терминологии свадебного обряда: «Из северно-русской свадебной терминологии: (Хлеб и пряники – словарь)» [Гура 1977]; «Из полесской свадебной терминологии: свадебные чины» [Гура 1984; 1986]. Обозначения дат и периодов народного календаря, а также связанная с ними обрядовая терминология нашли отражение в «Полесском народном календаре» С. М. Толстой [Толстая 2005], изданном на материале этнолингвистических экспедиций в Полесье. Региональные словари С. М. Толстой и А. В. Гуры отличаются скрупулезной и щепетильной работой с семантикой обрядового термина, выявление логики семантического развития, системных отношений, точная ареальная дистрибуция лексем. Особую ценность в таком словаре составляет иллюстративный материал, где сохраняются сведения о содержании обряда, т. е. связанных с тем или иным днем верований и ритуалах.

Словарь С. М. Толстой стал образцом этнолингвистического описания обрядовой терминологии, принципы представления которого нашли отражение в словаре «Русский народный календарь» [РНК], составленном уральскими этнолингвистами О. В. Моргуновой, Ю. А. Кривошаповой, К. В. Осиповой и включающем общенародные и диалектные наименования календарных дат и периодов. Его особенность состоит в объединении в одной статье лингвистических единиц – наименований календарных периодов и их deriva-

тов (словообразовательных и семантических, в том числе фразеологий) – и связанных с календарной датой ритуальных практик, верований и фольклора, что помогает наблюдать динамический процесс взаимодействия обряда, фольклорного текста, обрядового термина и его дальнейшей «внеобрядовой» жизни в системе диалекта. К этнолингвистическим проектам Уральской школы ономастики, этимологии и этнолингвистики можно отнести также «Словарь коллективных прозвищ» Ю. Б. Воронцовой [СКП]. Его «этнолингвистичность» заложена уже в том, что включенные в словарь «коллективные прозвища могут многое рассказать о быте, занятиях и культуре жителей разных уголков России, а еще больше – о том, как „видели“ друг друга соседи, какими были их взаимоотношения» [СКП: 7]. Выявить этнокультурную информацию помогают приводимые автором иллюстративные контексты и пояснения, ср. прозвище «ГОРЮХОВИКИ. 1. Жители д. Солотное Великоустюгского района Вологодской обл. Богато жили, в войну го-рох у них был» [СКП: 86].

Опыт ученых-этнографов привнесли в дело составления этнодиалектных словарей авторы «Духовной культуры Северного Белозерья» [ДКСБ: 1997] – И. А. Морозов, И. С. Слепцова, Е. Б. Островский, С. Н. Смольников. Осознавая «необходимость емкого и сравнительно лаконичного описания культурных форм» [ДКСБ: 3], авторы предлагают свой тип словаря, который удобен для комплексной характеристики фольклорно-этнографических реалий (среди них – календарные периоды, народные обряды и обычаи, а также игры и отдельные жанры фольклора) одной территории. Для его создателей было важным совместить научный анализ разных аспектов культуры Белозерья с той интерпретацией, которую предлагают сами ее носители: поэтому в каждой из статей исследовательский текст уравнивается обширным фрагментом, иллюстрирующим народное видение описываемого явления культуры.

Незаменимость языковых, фольклорных и обрядовых сведений как источника реконструкции архаических представлений показали этнолингвистические словари «Славянские древности» [СД], вдохновителем и редактором которого стали Н. И. Толстой и С. М. Толстая, и «Słownik stereotypów i symboli ludowych»

[SSSL 1999; 2012], выпущенный в Люблине коллективом исследователей под руководством Е. Бартминьского. Единицами описания в этих проектах выбраны народные символы или стереотипы как совокупность представлений о свойствах предмета и его ритуальных функциях, проявленная в фактах языка, фольклора, верованиях и обрядах. Несмотря на существенные отличия, словари очень близки друг другу по духу – через ключевые для них понятия народной традиции, фольклора, картины мира.

2. Проект словаря «Пища Русского Севера»

Занимаясь этнолингвистическим изучением севернорусской диалектной лексики, относящейся к сфере пищи, мы также столкнулись с проблемой поиска оптимальной формы организации материала, которая позволила бы на основе культурно-языковых данных реконструировать региональную специфику пищи и напитков крестьян Русского Севера и связанные с ними традиционные представления. Как показал исследовательский опыт последних лет и десятилетий, для организации этнолингвистической информации удобной оказывается именно форма словаря, которая позволяет выделить отдельные элементы культуры, как и язык, состоящей из взаимосвязанных значимых единиц. После знакомства с опытом коллег-диалектологов зародилась идея создать словарь, который займет некоторое промежуточное положение между этнодиалектным словарем и культурологическим словарем-энциклопедией: методический опыт авторов культурологических «энциклопедий» мы попробовали применить к анализу диалектного материала. Если этнодиалектный словарь содержит бытовую лексику, но не всегда обращается к ее культурной символике, то для культурологического словаря важна преимущественно лексика обрядов и ритуалов. Особенность задуманного проекта состоит в том, что в качестве объекта описания выбрана не обрядовая терминология, а группа бытовой лексики. Ее культурная семантика не столь очевидна, как семантика обрядового термина, например обозначения календарного периода или свадебного обряда: извлечение культурных смыслов из анализа неспецифически обрядовой лексики повышает интерпретационную составляющую проекта, предполагающего наличие этнолинг-

вистического инструментария – комплекса аналитических процедур исследования.

Сформулируем некоторые методологические пресуппозиции, из которых родился задуманный словарь:

- максимально полное отражение языкового материала (лексики пищи и питания); верования, фольклор и обряды приводятся в сжатом виде, необходимом для выявления символических функций реалии;
- приоритетность задачи интерпретации материала и выявления культурно-языковой символики изучаемых элементов языка и культуры над его документированием и «объективным» представлением;
- важность территориальной дистрибуции сведений, для которых указывается область и район бытования.

Материал и источники. Исследование включает диалектную лексику пищи и питания, записанную на территории Архангельской, Вологодской и Костромской областей. Если Архангельская и Вологодская области входят в понятие Русского Севера целиком, то из районов Костромской области мы учитываем только ту ее часть, которая относилась к Вологодской губернии – Вохомский, Октябрьский и Павинский районы. Исчерпывающее этнолингвистическое представление Русского Севера невозможно без привлечения письменных источников, явившихся итогом кропотливой полевой работы лингвистов и этнографов на территории Архангельской, Вологодской и Костромской областей.

Задачи словаря. Перед Словарем стоит лингвистическая задача представления лексики выбранной тематической группы: вариантов названий, их региональной дистрибуции и семантической специфики, этимолого-мотивационных связей лексики, сведений о денотате, отраженных в наименованиях, системных отношениях (родо-видовых, синонимических, антонимических и пр.). Таким образом, методами этимологического, семантико-мотивационного, системно-структурного и лингвогеографического анализа лексики выявляется заключенное в языке субъективное представление о пище – особенностях приготовления, употребления, состава блюд.

Следующая группа задач направлена на анализ этнокультурных и социальных функций

пищи: выявление роли блюда в рационе и традиционном застолье, его приуроченности к повседневному, праздничному рациону (воскресным дням, календарным и семейным праздникам) или некоторой бытовой ситуации (покос, коллективные работы и пр.).

Анализ языковой и культурной символики пищи подразумевает определение семантики и функций, которые приписываются изучаемым предметам и их обозначениям в верованиях, малых фольклорных жанрах (поговорки, загадки и пр.) и обрядах (семейных, календарных, сельскохозяйственных и бытовых). Анализ пищи как знака языка культуры может учитывать внешние, вкусовые, тактильные особенности обрядового блюда, определяемые при сопоставлении с повседневной пищей, а также функции пищи в коммуникативных ситуациях разного типа: например, значение имеет внешнее оформление блюда (ритуальная выпечка может быть плетеной или украшенной, изготавливаться в виде животных; в обрядовой каше делается углубление, куда наливается масло, иногда – втыкается колос и пр.), порядок подачи блюда на стол, принципы его употребления и разделения (например, разламывание свадебного каравая или рыбника, питье пива по кругу) и пр.

Единицей описания в этнолингвистическом словаре является культурно-языковой знак, соотносимый с одной реалией, в единстве его наименований и внешнего воплощения, языковых значений и символических функций. Таким образом, в одной статье объединяются знаки языка и культуры, имеющие общее денотативное содержание, но воплощающие традиционные представления в разных кодах – вербальном, предметном и акциональном. Реконструируя содержание культурно-языкового знака, мы формулируем то, что принято называть *понятием*, *представлением* о предмете, его *образом* или *стереотипом*, т. е. некоторую совокупность семантических признаков и функций. Не желая разворачивать терминологическую дискуссию, отметим лишь, что если эти понятия становятся терминами той или иной научной школы, то приобретают значение, отражающее ее концептуальные и методологические установки. Так, в трудах польских этнолингвистов под руководством Е. Бартминьского

закрепился термин *языковой стереотип* как минимальный компонент языковой картины мира, некоторое суждение о предмете, ментальный образ реалии, закрепленный в языке [Бартминьский 2005]. В работах Московской этнолингвистической школы для описываемых элементов употребляется термин *знак языка культуры*, который отражает, с одной стороны, общую семиотическую природу языка и культуры, с другой – возможность применения лингвистических методов для интерпретации явлений культуры. (О понятийном аппарате польских исследователей в сравнении с концепцией московских этнолингвистов подробнее см. в [Толстая 2015].) Выбирая в качестве единицы описания знак языка и культуры, мы в большей степени ориентировались на концепцию словаря «Славянские древности», исследовательский взгляд в котором движется от реалии к ее символическому осмыслению в фольклоре и ритуальных практиках, тогда как концепция люблинского словаря преимущественно ориентирована на жизнь ментальных концептов в языке и тексте.

Отдельный культурно-языковой знак и соответствующая статья в нашем словаре выделяются, если, во-первых, блюдо является частью севернорусского рациона, т. е. получает широкое распространение в одном или нескольких районах, во-вторых, его названия устойчиво фиксируются в диалектах, а в-третьих, оно приобретает знаковые функции в языке, фольклоре и в акциональных формах культуры. При выборе описываемых единиц неизбежно приходилось ориентироваться на «сигнальные» слова, которые называют типичные блюда Русского Севера, в том числе и нехарактерные для общенародной культуры – *дежень* ‘заваренное толокно с ягодами или простоквашей’, *саламат* ‘каша с маслом или другим животным жиром’, *сельянка* ‘запеканка с молоком и яйцами’, *дрочёна* ‘вид пирога или запеканки’ [КСГРС] и др. В качестве ключевого слова, т. е. имени культурно-языкового знака, указываемого как заглавное слово статьи, выбирается общенародная или диалектная лексема, наиболее распространенная на территории Русского Севера, например, *волога*, *дежень*, *каша*, *квас*, *молоко*, *опара*, *пиво*, *саламат*, *щи* и др.

Состав словарной статьи. Словарная статья включает следующие зоны:

«Дефиниция»: кратко указывается состав продукта, особенности употребления и его символика в языке и культуре; дефиниция обобщает информацию, в развернутом виде представленную в статье.

«Общая характеристика, наименования, региональные разновидности»: с опорой преимущественно на лексический материал и данные этнографических источников характеризуются состав блюда, специфика его приготовления, территориальное варьирование состава и названий.

«Роль в застолье»: определяется порядок подачи блюда и способ его сервировки, особенности употребления, пищевые запреты и регламентации, вторичные функции блюда в застолье.

«Развитие значений (языковые коннотации)»: выявляются особенности развития языковой семантики наименований пищи. Анализ вторичных значений «пищевой» лексики включает ее тематическую классификацию и выделение сквозных мотивов номинации.

«Культурная семантика и обрядовые функции»: определяются функции пищи в календарных, сельскохозяйственных, бытовых и семейных обрядах, а также выявляется символика пищи в верованиях и фольклоре.

В качестве примера приведем фрагменты статьи «Рыбник».

Рыбник – открытый или закрытый пирог с рыбой (*рыбник, кулебяка*). Рыбники пеклись преимущественно небольшого размера с целой неразрезанной рыбой; различались по виду рыбы (*вьюнник, язковник, меевник, малявник* и пр.). Рыбник был как повседневной пищей, так и выпекался к каждой праздничной трапезе. Подавали рыбник в качестве самого почетного угощения, чаще всего в начале обеда. Ритуальные функции рыбника определяются символикой рыбы и хлеба (выпечки). Связь рыбы с идеей плодородия, изобилия и легкого деторождения определила его употребление на всех этапах свадьбы, а также в ритуалах, связанных с образом невесты: за рыбник выкупали невесту у свах, рыбником невеста привораживала жениха, с помощью рыбника сообщали о «честности» невесты. Рыбник обязательно готовили к поминкам, а также крупным праздникам годового цикла. Пирог с рыбой брали с собой в дорогу, чтобы обеспечить ее легкость

и благополучие. Вторичные языковые значения сущ. *рыбник* метафорически осмысляют его продолговатую форму (ср. *рыбник* 'огрех при пахоте').

Общая характеристика, наименования, региональные разновидности. Рыбник был одним из главных видов повседневной и праздничной выпечки на Русском Севере: «Рыбники пекли в праздничные дни – загибали этак корка на корочку» (Вохом) [ЛКТЭ]. В пирог рыба запекалась неразрезанной: «рыбники, или пироги с рыбой, готовят также просто – рыба, какая бы она ни была, полагается в корку из ячменного теста» [Ефименко 1877: 71]. Чаще это была закрытая, реже – открытая выпечка из кислого теста: в Онежском районе *рыбниками* называли закрытые пироги, которые обыкновенно пекли из соленой рыбы, *жа́ренца (жа́рник, жа́рница)* – открытые [АОС 13: 215, 225–226]. Преимущественно архангельским были небольшие пироги-кулебяки (арх. *кулеба́ка, кулебя́ка, кулюба́ка, кулеба́чка, колюба́ка*) [СГРС 6: 244; 261; Ефименко 1877: 69; РК 5/2: 83].

Рыбники различались по виду запекаемой в них рыбы: повседневно готовились рыбники из язя, леща или налима, вкусными считались *вьюнник* из *вьюна* (Он) [КСГРС], *язковник* из небольших язей (Лен) [КСГРС], *тёльное* 'пирожки с мясом щуки' (Карг) [СРНГ 44: 16]. Особо часто пекли пироги из мелкой рыбы: арх., волог. *меевник* (В-Т; В-Важ, Тот) [СГРС 7: 264, 273; КСГРС], волог. *малявник, молевáтик* (Сок; Ник, Тот) [КСГРС; СВГ 5: 10; СГРС 7: 310] и др. Популярность пирогов с мелкой рыбой была связана не только с ее пищевыми и вкусовыми свойствами (у мелкой рыбы, в отличие от крупной, не требовалось убирать кости), но и с тем, что крупную рыбу и рыбу ценных пород крестьяне продавали или сдавали государству.

Роль в застолье. В богатых рыбой районах Русского Севера рыбник был основным повседневным и праздничным блюдом: «Лучший пирог здесь в почёте – рыбник» (Пав); «Рыбники всегда должны на столе в праздники» (Вин) [КСГРС; ЛКТЭ]. «Рыбников для свадеб или в храмовые праздники напекаюся от 30-ти до 60-ти, потому что народу приходит очень много в продолжение трех дней праздничных» – рыбником чествовали каждого из пришедших гостей [Ефименко 1877: 72]. По-

всемерно рыбник считался самым почетным угощением [РК 5/2: 16; ЛКТЭ; КСГРС], с которого начиналась трапеза: «*Рыбничек мал, да всех за стол позвал*»; «*Пирожок на стол с сижком – так и праздничек пришел*» (Выт) [Митрошкина 2015: 157]; «*Без рыбника не праздник, это первая закуска*» (Нюкс) [КСГРС].

Развитие значений. Природа. Специфическая продолговатая форма рыбника определила переносное значение арх., волог. *рыбник* 'огрех при пахоте, невспаханное место в середине поля': «*Проехали, а там не проехали, огреха, рыбник. Как рыбник пекёшь – в середку – рыбу, а по краям захлестываешь, так и на поле – в середке не пропахано, не захлестнулось – рыбник остался*» (Ник; Вож, Уст) [КСГРС]. Фразеологизмы *загнуть рыбник, рыбников загнуть, рыбников назагибать, рыбников назашибать* 'плохо вспахать, отделяя плугом большие неразрезанные пласты земли или оставляя в середине поля непропаханный участок': «*Недопашешь по краям – огрех, а в середке – рыбник загибаешь*» (Ник; Баб, Бабуш, Ник, Нюкс, Сок) [КСГРС; СВГ 9: 75] проводят аналогию между изготовлением рыбника, предполагающим загибание краев теста, и пахотой.

Культурная семантика и обрядовые функции. Семейные обряды. Свадьба. Рыбник был обязательным блюдом на свадьбе: «*Надо было на свадьбу рыбник пирог пекчи. На каждый стол по рыбничку*» (костром.) [ЛКТЭ]. Рыбник появлялся на столе уже на этапе рукобитья: на Онеге, готовясь к сговору, на стол выставляли каравай и по рыбьей кулебяке по сторонам [Ефименко 1877: 116]. На Вологодчине соседи накануне свадьбы или в день свадьбы приносили рыбник со свежей рыбой или с треской (Ник. у.) [РК 5/3: 405, 409]. На девичнике пирог с рыбой ставили на стол «*только для глядины, есть его не едят*»: на него клали деньги за подарки, которые раздавала невеста, а начинали есть только после завершения «даров» и благословения священника (Кадн. у., Гряз. у.) [РК 5/2: 110, 644].

Рыба и рыбник были связаны с образом невесты. В день свадьбы рыбник использовался в качестве символического выкупа, который женщины отдавали свахе за невесту: этот обряд в Верховажском районе Вологодской обл. назывался *прийти по рѣбник*: «*Бабы придут по рыбник, просят выкуп за невесту, пишут записку, чего хотят. Сватья им всего даст, лаф-*

тыков <лоскутов?> всяких даст, и вина даст, и рыбник на лопату положит, лопату деревянную подадут» [КСГРС]. В Шенкурской волости перед началом свадебного обеда жених подкладывал под руки жены кулебяки из рыбы [Ефименко 1877: 96]. Чтобы заставить молодых полюбить друг друга, рыбник, которым невеста угощала жениха после венчания, присаливали солью, смешанной с потом невесты, или же к пирогу прибавляли месячные очищения невесты; или рыбу для пирога предварительно прикладывали к детородным органам невесты. Чтобы пирог был теплым, невеста носит за пазухой на голом теле (Кадн. у.) [РК 5/2: 556, 561]. По рыбной «колюбаке» определяли целомудренность невесты: если невеста честная, то пирог наполняют рыбой, если не сохранила честность – колюбака печется пустой и отсылается родителям невесты [Ефименко 1877: 80]. В Вологодском уезде пирог с рыбой привозили к невестиному завтраку [РК 5/1: 414]. Употребление рыбника невестой обеспечивало ее плодовитость и легкость деторождения в будущем (ср. связанный с рыбой мотив беременности легких родов, который прослеживается, например, в костромском выражении *дитя как рыба выплывает* 'о легких родах': «*Живой рыбки поешь, дак лутше станет; как тяжелая баба ходит, дак живой рыбы больше пусть ест, родит – дитя как рыба выплывает, неживой рыбы нельзя есть*» (Буй) [ЛКТЭ], а также в мотиве одной из вологодских сказок: *царица с нянюшкой и их собака беременеют, съев пирог с щукой* [РК 5/1: 498]).

Подытоживая сказанное, отметим, что этнолингвистические словари могут помочь в решении важной задачи комплексного представления локальной культурно-языковой традиции. Диалектный языковой факт, тесно связанный с народным бытом и мировоззрением, должен быть рассмотрен внутри культурной ситуации – в неразрывной связи с фольклором, верованиями, повседневной и обрядовой жизнью. Это позволит не только более рельефно воссоздать особенности крестьянского мира, но объяснить семантико-мотивационную специфику многих языковых единиц – лексем, фразеологизмов, ономастических фактов – интерпретация которых невозможна средствами «чистой» лингвистики.

Список сокращений

арх. – архангельское
 Баб – Бабаевский район Вологодской области
 Бабуш – Бабушкинский район Вологодской области
 В-Важ – Верховажский район Вологодской области
 Вин – Виноградовский район Архангельской области
 Вож – Вожегодский район Вологодской области
 волог. – вологодское
 Вохом – Вохомский район Костромской области
 В-Т – Верхнетоемский район Архангельской области
 Выт – Вытегорский район Вологодской области
 Гряз. у. – Грязовецкий уезд Вологодской губернии
 Кадн. у. – Кадниковский уезд Вологодской губернии
 Карг – Каргопольский район Архангельской области
 костром. – костромское
 Лен – Ленский район Архангельской области
 Ник – Никольский район Вологодской области
 Ник. у. – Никольский уезд Вологодской области
 Нюкс – Нюксенский район Вологодской области
 Он – Онежский район Архангельской области
 Пав – Павинский район Костромской области
 Сок – Сокольский район Вологодской области
 Тот – Тотемский район Вологодской области
 Уст – Устьянский район Архангельской области

Литература

- АОС – Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. – М. : Изд-во МГУ, 1980–2019. – Вып. 1–19; издание продолжается.
- Бартминьский, Е. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике / У. Бартминьский ; сост., отв. ред. С. М. Толстая. – М., 2005. – 527 с.
- Гура, А. В. Из полесской свадебной терминологии. Свадебные чины (словарь: Б – М) / А. В. Гура // Славянское и балканское языкознание: Язык в этнокультурном аспекте. – М., 1984. – С. 137–177.
- Гура, А. В. Из северно-русской свадебной терминологии: (Хлеб и пряники – словарь) / А. В. Гура // Славянское и балканское языкознание: Карпато-восточнославянские параллели. Структура балканского текста / сост., отв. ред. Т. М. Судник, Т. В. Цивьян. – М., 1977. – С. 131–180.
- Гура, А. В. Из полесской свадебной терминологии: свадебные чины (словарь: Н свашка) / А. В. Гура // Славянский и балканский фольклор: Духовная культура Полесья на общеславянском фоне / отв. ред. Н. И. Толстой. – М. : Наука, 1986. – С. 144–178.
- Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – СПб., 1863–1866.
- ДКСБ – Духовная культура Северного Белозерья. Этнодиалектный словарь / И. А. Морозов, И. С. Слепцова, Е. Б. Островский, С. Н. Смольников и др. ; отв. ред. И. А. Морозов. – М. : ИЭА РАН, 1997. – 432 с.
- Дуров, И. М. Словарь живого поморского языка в его бытовом и этнографическом применении / И. М. Дуров. – Петрозаводск : Карельский научный центр РАН, 2011. – 455 с.
- Ефименко, П. С. Материалы по этнографии русского населения Архангельской губернии : в 2 ч. Ч. 1: Описание внешнего и внутреннего быта / П. С. Ефименко. – М. : Тип. Ф. Б. Миллера, 1877.
- Коновалова, Н. И. Словарь народных названий растений Урала / Н. И. Коновалова. – Екатеринбург, 2000. – 233 с.
- КСГРС – Картоотека «Словаря говоров Русского Севера» (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Куликовский, Г. И. Словарь областного олонецкого наречия в его бытом и этнографическом применении / Г. И. Куликовский. – СПб. : Изд. отд-ния рус. яз. и словесности имп. Акад. наук, 1898. – 151 с.
- ЛКТЭ – Лексическая картоотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации Уральского федерального университета, Екатеринбург).
- Митрошкина, Н. А. Вытегорская кухня: (по материалам экспедиционных исследований 1978–2010 гг.) / Н. А. Митрошкина // Вытегра : краевед. альм. Вып. 5 / отв. ред. Е. А. Скупинова. – Вологда, 2015. – С. 149–174.
- Подвысоцкий, А. И. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении / А. И. Подвысоцкий. – СПб. : Тип. Импер. Акад. наук, 1885. – 198 с.
- РК 5/1 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 1: Вельский и Вологодский уезды. – СПб. : Деловая полиграфия, 2007. – 623 с.
- РК 5/2 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 2: Грязовецкий и Кадниковский уезды. – СПб. : Деловая полиграфия, 2007. – 839 с.
- РК 5/3 – Русские крестьяне. Жизнь. Быт. Нравы : Материалы «Этнографического бюро» князя В.Н. Тенишева. Т. 5: Вологодская губерния. Ч. 3: Никольский и Сольвычегодский уезды. – СПб. : Деловая полиграфия, 2007. – 683 с.

Осинова К. В. Этнолингвистические словари и перспективы этнолингвистической лексикографии

РНК – Атрошенко, О. В., Кривошапова, Ю. А., Пьянкова, К. В. Русский народный календарь. Этнолингвистический словарь / О. В. Атрошенко, Ю. А. Кривошапова, К. В. Пьянкова. – М. : АСТ-Пресс Книга, 2014. – 544 с.

СВГ – Словарь вологодских говоров / ред. Т. Г. Паникаровская. – Вологда : ВГПУ, Изд-во «Русь», 1983–2007. – Вып. 1–12.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А. К. Матвеева. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001–. – Т. 1–.

СД – Славянские древности: этнолингвистический словарь : в 5-ти томах. Т. 1–5 / под. ред. Н. И. Толстого. – М. : Международные отношения, 1995–2012.

СКП – Воронцова, Ю. Б. Словарь коллективных прозвищ / Ю. Б. Воронцова. – М. : АСТ-Пресс Книга, 2011. – 448 с.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина (вып. 1–22), Ф. П. Сороколетова (вып. 23–42), С. А. Мзыникова (вып. 43–50–). – М. ; Л. ; СПб. : Наука, 1965–2017. – Вып. 1–50; издание продолжается.

СТГ – Пискунова, С. В. Словарь тамбовских говоров (духовная и материальная культура) / С. В. Пискунова, Т. В. Махрачева, В. В. Губарева. – Тамбов : Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2001. – 278 с.

ТБПК – Традиционный быт псковских крестьян (Опыт регионального этнолингвистического словаря) / ред. Н. В. Большакова ; сост.: В. К. Андреев, Н. В. Большакова, Л. Б. Воробьева, С. В. Лукьянова, Ю. Ю. Мона, Г. И. Плещук, З. В. Побидько, А. Н. Смирнова. – Псков : ЛОГОС Плюс, 2012. – 284 с.

Толстая, С. М. Полесский народный календарь / С. М. Толстая. – М. : Индрик, 2005. – 600 с.

Толстая, С. М. Стереотип и картина мира / С. М. Толстая // Образ мира в тексте и ритуале. – Москва : Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – С. 54–64.

ТСГТО – Тематический словарь говоров Тверской области / ред. Т. В. Кириллова, Л. Н. Новикова. – Тверь : ТвГУ, 2000–2006. – Вып. 1–5.

ЭИС – Традиционная культура Урала. Этноидеографический словарь русских говоров Свердловской области / О. В. Востриков, В. В. Липина. – Екатеринбург : Свердловский областной Дом фольклора, 2000. – Вып. 1–.

ЭССТ – Подюков, И. А. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья / И. А. Подюков, С. В. Хоробрых, Д. А. Антипов. – Усолье ; Соликамск ; Березники ; Пермь : Пермское книжное издательство, 2004. – 360 с.

References

Atroshenko, O. V., Krivoshchapova, Yu. A., P'ankova, K. V. (2014). *Russkii narodnyi kalendar'. Etnolingvisticheski slovar'* [Russian Folk Calendar. Ethnolinguistic Dictionary]. Moscow, AST-Press Kniga. 544 p.

Bartmin'sky, E. (2005). *Yazykovoii obraz mira: ocherki po etnolingvistike* [Linguistic Image of the World: Essays on Ethnolinguistics]. Moscow. 527 p.

Bol'shakova N. V. (Ed.), Andreev, V. K., Bol'shakova, N. V., Vorob'eva, L. B., Luk'yanova, S.V., Monia, Yu. Yu., Ploshchuk, G. I., Pobid'ko, Z. V., Smirnova, A. N. (Comp.). (2012). *Traditsionnyi byt pskovskikh krest'yan (Opyt regional'nogo etnolingvisticheskogo slovaryia)* [Traditional Life of Pskov Peasants (Experience of the Regional Ethnolinguistic Dictionary)]. Pskov, LOGOS Plus. 284 p.

Dahl, V. I. (1863–1866). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo iazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language, in 4 vols.]. Saint Petersburg.

Durov, I. M. (2011). *Slovar' zhivogo pomorskogo yazyka v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Living Pomor language in its Everyday and Ethnographic Application]. Petrozavodsk, Karelskii nauchnyi tsentr RAN. 455 p.

Efimenko, P. S. (1877). *Materialy po etnografii russkogo naseleniya Arkhangel'skoi gubernii: v 2 ch.* [Materials on the Ethnography of the Russian Population of the Arkhangelsk Province, in 2 parts]. Part 1. Opisanie vneshnego i vnutrennego byta. Moscow, Tipografiia F. B. Millera.

Filin, F. P., Sorokoletov, F. P., Myznikov, S. A. (Eds.). (1965–2017). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Folk Dialects]. Moscow, Leningrad, Saint Petersburg, Nauka. Vol. 1–50–.

Getsova, O. G. (Ed.). (1980–2019). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional Dictionary]. Moscow, Izdatel'stvo MGU. Vol. 1–19.

Gura, A. B. (1986). Iz polesskoi svadebnoi terminologii: svadebnye chiny (slovar': N – svashka) [From Polissya Wedding Terminology. Wedding Ranks (Vocabulary: N – Svashka)]. In Tolstoi, N. I. *Slavianskii i balkanskii fol'klor: Dukhovnaya kul'tura Poles'ya na obshch斯拉vianskom fone*. Moscow, Nauka, pp. 144–178.

Gura, A. V. (1977). Iz severno-russkoi svadebnoi terminologii: (Khleb i prianiki – slovar') [From the Northern Russian Wedding Terminology: (Bread and Gingerbread – Dictionary)]. In Sudnik, T. M., Tsiv'ian, T. V. (Eds.). *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Karpato-vostochnoslavjanskii paralleli. Struktura balkanskogo teksta*. Moscow, pp. 131–180.

Gura, A. V. (1984). Iz polesskoi svadebnoi terminologii. Svadebnye chiny (slovar': B – M) [From Polissya Wedding Terminology. Wedding Ranks (Vocabulary: B – M)]. In Zelenina, E. I., Usacheva, V. V., Tsiv'ian, T. V. (Eds.). *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Yazyk v etnokul'turnom aspekte*. Moscow, pp. 137–177.

Kiril'lova, T. V., Novikova, L. N. (Eds.). (2000–2006). *Tematicheskii slovar' govorov Tverskoi oblasti* [Thematic Dictionary of Dialects of the Tver Region]. Tver', Tvgu. Vol. 1–5.

Konovalova, N. I. (2000). *Slovar' narodnykh nazvanii rastenii Urala* [Dictionary of Folk Names of Plants in the Urals]. Ekaterinburg. 233 p.

Kulikovskiy, G. I. (1898). *Slovar' oblastnogo olonetskogo narechiya v ego bytom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of Regional Olonets Dialect in its Everyday Life and Ethnographic Application]. Saint Petersburg, Izd. otd-niya rus. iaz. i slovesnosti imp. Akad. nauk. 151 p.

- Matveev, A. K. (Ed.). (2001–). *Slovar' gorovor Russkogo Severa* [Dictionary of Dialects of the Russian North]. Ekaterinburg, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta. Vol. 1–.
- Mitroshkina, N. A. (2015). Vytegor'skaya kukhnya: (po materialam ekspeditsionnykh issledovaniy 1978–2010 gg.) [Vytegra's Cuisine: (Based on Materials from Expeditionary Research 1978–2010)]. In Skupinova, E. A. (Ed.). *Vytegra: kraevedcheskii al'm.* Issue 5. Vologda, pp. 149–174.
- Morozov, I. A., Sleptsova, I. S., Ostrovsky, E. B., Smol'nikov, S. N. et al., Morozov, I. A. (Ed.). (1997). *Dukhovnaya kul'tura Severnogo Beloz'er'ya. Etnodialektnyi slovar'* [Spiritual Culture of the Northern Belozerye. Ethnodialect Dictionary]. Moscow, IEA RAN. 432 p.
- Panikarovskaya, T. G. (Ed.). (1983–2007). *Slovar' vologodskikh gorovor* [Dictionary of Vologda Dialects]. Vologda, VGPU, Izd-vo «Rus». Vol. 1–12.
- Piskunova, S. V., Makhracheva, T. V., Gubareva, V. V. (2001). *Slovar' tambovskikh gorovor (dukhovnaya i material'naya kul'tura)* [Dictionary of Tambov Dialects (Spiritual and Material Culture)]. Tambov, Izdatel'stvo TGU im. G. R. Derzhavina. 278 p.
- Podyukov, I. A., Khorobrykh, S. V., Antipov, D. A. (2004). *Etnolingvisticheskii slovar' svadebnoi terminologii Severnogo Prikam'ya* [Ethnolinguistic Dictionary of Wedding Terminology of the Northern Kama Region]. Usole, Solikamsk, Berezniki, Perm', Permskoe knizhnoe izdatel'stvo. 360 p.
- Podvysotsky, A. I. (1885). *Slovar' oblastnogo arkhangel'skogo narechiya v ego bytovom i etnograficheskom primenenii* [Dictionary of the Regional Arkhangelsk Dialect in its Everyday and Ethnographic Use]. Saint Petersburg, Tip. Imper. Akad. nauk. 198 p.
- Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy: Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V.N. Tenisheva* [Russian Peasants. A Life. Mores: Materials of the “Ethnographic Bureau” of Prince V.N. Tenisheva]. (2007). Vol. 5: Vologodskaya guberniya. Part 1: Vel'skii i Vologodskii uезdy. Saint Petersburg, Delovaya poligrafiya. 623 p.
- Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy: Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V.N. Tenisheva* [Russian Peasants. A Life. Mores: Materials of the “Ethnographic Bureau” of Prince V.N. Tenisheva]. (2007). Vol. 5: Vologodskaya guberniya. Part 2: Gryazovetskii i Kadnikovskii uезdy. Saint Petersburg, Delovaya poligrafiya. 839 p.
- Russkie krest'yane. Zhizn'. Byt. Nravy: Materialy «Etnograficheskogo byuro» knyazya V.N. Tenisheva* [Russian Peasants. A Life. Mores: Materials of the “Ethnographic Bureau” of Prince V.N. Tenisheva]. (2007). Vol. 5: Vologodskaya guberniya. Part 3: Nikol'skii i Sol'vychevodskii uезdy. Saint Petersburg, Delovaya poligrafiya. 683 p.
- Tolstaya, S. M. (2005). *Poleskii narodnyi kalendar'* [Polissya Folk Calendar]. Moscow, Indrik. 600 p.
- Tolstaya, S. M. (2015). Stereotip i kartina mira [Stereotype and Picture of the World]. In *Obraz mira v tekste i rituale*. Moscow, Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke, pp. 54–64.
- Tolstoi, N. I. (1995–2012). *Slavianskie drevnosti: etnolingvisticheskii slovar': v 5 t.* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary, in 5 vols]. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya.
- Vorontsova, Yu. B. (2011). *Slovar' kollektivnykh prozvizhch* [Collective Nickname Dictionary]. Moscow, AST-Press Kniga. 448 p.
- Vostrikov, O. V., Lipina, V. V. (2000–). *Traditsionnaya kul'tura Urala. Etnoideograficheskii slovar' russkikh gorovor Sverdlovskoi oblasti* [Traditional Culture of the Urals. Ethnoideographic Dictionary of Russian Dialects of the Sverdlovsk Region]. Ekaterinburg, Sverdlovskii oblastnoi Dom fol'klora. Vol. 1–.

Данные об авторе

Осипова Ксения Викторовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, старший научный сотрудник Топонимической лаборатории, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия); научный сотрудник, Институт Славяноведения РАН (Москва, Россия).

Адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51, к. 306.

119991, Россия, Москва, Ленинский пр., 32-А.

E-mail: osipova.ks.v@yandex.ru.

Authors' information

Osipova Ksenia Viktorovna – Candidate of Philology, Associate Professor of Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Senior Researcher in the Toponymic Laboratory of the Department of Russian Language and General Linguistics, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg, Russia); Researcher, Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).